

Философия сознания М. Мамардашвили:
говорить о сознании на языке самого сознания
Merab Mamardashvili's Philosophy of Consciousness:
Speaking of Consciousness in the Language of Consciousness Itself

Д.Э. Гаспарян, Россия, Москва, НИУ-ВШЭ

Практически все исследователи наследия Мераба Мамардашвили единодушны в том, что главной темой его философии была проблема человеческого сознания. Даже те его философские исследования, которые посвящены другим темам и авторам: книги и лекции о Канте («Кантианские вариации»), Декарте («Картезианские размышления»), Прусте или античных философах менее всего представляют собой простое историко-философское изложение их взглядов. Скорее они представляют собой опыты личных раздумий Мераба о том, как возможно сознание в мире и чем оно, в конечном итоге является.

Мамардашвили всегда полагал, что вопрос о сознании в философии предваряет прочие. Стремление понять сознание вызвано «желанием дойти до какого-то доступного нам сейчас предела... в поисках основы своего сознательного существования» (1, 16). Он также говорил, что способность человека к философии связана с тем, что человек наделен сознанием – изначально метафизическим опытом пребывания в мире. Между тем, как замечал он далее, трудоемкость процесса понимания того, «что есть сознание?» связана с двумя взаимосвязанными причинами. Во-первых, понимание сознания есть задача почти невыполнимого выхода за пределы самого сознания. А во-вторых, для того, чтобы понять, что такое сознание приходится вначале понять, что им не является.

Наверное, наилучшей преамбулой к демонстрации его позиции послужит знаменитые вступительные слова М. Хайдеггера к своей лекции «Что такое

метафизика?», начатой так: «Что такое метафизика? Вопрос будит ожидание, что разговор пойдет о метафизике. Мы от него воздержимся. Вместо этого разберем определенный метафизический вопрос. Тем самым мы смеем, очевидно, перенестись непосредственно в метафизику. Только так мы дадим ей настоящую возможность представить саму себя» (3, 121-122).

В этом известном высказывании Хайдеггер хочет сказать, что при всем своем желании он не может рассказать «что такое метафизика», он не может говорить «о» метафизике – он может ее разве, что предъявить и показать, как своего рода перформатив. То же самое Мамардашвили подразумевает в отношении сознания – пытаться говорить «о» сознании бессмысленно, т.к. при этом мы будем пользоваться тем же самым сознанием – других познавательных инструментов у нас нет. Предметом сознания является само сознание. Таким образом, Мамардашвили выступает против такого способа исследования, когда мы считаем, что у нас есть сознание, как некий объект изучения и есть некий загадочный метаязык, сам не совпадающий с сознанием, и на котором мы можем поговорить о «сознании-объекте». Например, у нас есть сознание, и есть язык нейронных коррелятов, который его порождает. Или есть сознание и есть С-волокна, которые совпадают с сознанием. Оба этих метода есть примеры редуccionистских способов, пользуясь которыми, мы как бы говорим о сознании на языке физических процессов и событий. Стратегия редуccionизма не очень устраивает Мамардашвили и взамен ее он предлагает свою – согласно ей, следует говорить о сознании на языке самого сознания. Если невозможно работать с сознанием объектно, то можно работать с его пониманием. Мамардашвили говорил, что философская работа с сознанием предполагает выполнение непрямого опыта, а теория сознания должна быть метатеорией, в которую вовлечено метасознание.

Чтобы ухватить эту его установку, важно понять следующее. Несмотря на то, что сознание является столь популярной темой, которой все время занимаются, часто эти занятия, как говорит Мамардашвили в своей совместной с Александром Пятигорским работе «Символ и сознание», нацелены скорее на то,

чтобы «избавиться от сознания», т.е. попросту устранить его. Основной вектор манипуляций с сознанием со второй половины XX-го века заключаются в том, чтобы либо свести его к физиологическим предпосылкам, либо свести к неким другим объективным формам (например, социальным или лингвистическим отношениям). Как говорит Мамардашвили, эти «занятия с сознанием» тем не менее, имеют примерно одну цель – растворить сознание в каких-нибудь объективных процессах и потому больше подходят на «борьбу с сознанием». Метафора «борьба с сознанием» впервые встречается в совместном труде Мамардашвили и Пятигорского: «...Особую роль играет некоторая внутренняя отрицательная способность, выражающаяся в своего рода “борьбе с сознанием”. Борьба с сознанием происходит от стремления человека к тому, чтобы сознание перестало быть чем-то спонтанным и самодействующим» (1, 28, 29).

Как мы уже поняли, Мамардашвили не разделяет редуccionистские стратегии понимания природы сознания. Он говорит следующее: «человек... обладает сознанием. А это значит, что он имеет возможность переживать, испытывать как раз те вещи или состояния, которые естественным образом, в качестве продукта, скажем, какого-либо физиологического механизма, получить нельзя» (2, 69). Психофизический редуccionизм не устраивает Мамардашвили еще и потому, что философия, по его мнению, должна заниматься только такими предметностями, которые являются непосредственными данностями сознания, являются его ближайшим объектом. На постулирование в качестве объекта философского анализа имеют право лишь те конструкции, которые могут стать непосредственным сознательным опытом – опытом понимания. Между тем, знание о функционировании нейронных коррелятов таковым опытом стать не может – его нельзя пережить как данность своего собственного сознания.

Еще одна теория редуccionии сознания – к языку – также представляется Мерабу ошибочной. Несмотря на то, что понимающий опыт сознания протекает в языковой форме, мы не можем заключить об однозначном совпадении языка и мышления. Для того чтобы существовать, язык не нуждается в индивидуальном сознании, т.к. он попросту не нами создан. Кроме того, само по себе

оперирование языком еще не говорит о присутствии сознания. Владение языком обладает колоссальным автоматическим и инерционным потенциалом и в этом смысле, может протекать по своим собственным сугубо лингвистическим законам, не вовлекающим феноменологический опыт сознания. В частности, в работе «Символ и сознание» мы читаем следующее: «Можно предположить, что какие-то структуры языкового мышления (механические) связаны скорее с отсутствием сознания, чем с его присутствием. .... Текст может быть порожден [сознанием. – Д.Г], между тем как сознание не может быть порождено никаким лингвистическим устройством, прежде всего потому, что сознание появляется в тексте не в силу каких-то закономерностей языка, т.е. изнутри текста, но в силу какой-то закономерности самого сознания» (1, 38).

Итак, во всех тех случаях, когда мы говорим о функциональной, лингвистической или любой другой активности сознания, вопрос заключается в том, сводится ли она к самому сознанию или есть его деятельное проявление. Мамардашвили говорит, что данные состояния причастны сознанию, но к нему не сводятся. Сознание присутствует в этих состояниях, но сумма этих состояний еще не есть сознание. Скорее каждое из этих состояний является уже «не вполне сознанием». Мамардашвили, впрочем, не утверждает, что существует некое субстанциальным образом понятое сознание, которое затем проявляется в различных регистрируемых и наблюдаемых состояниях – ему важно подчеркнуть, что еще до того, пока мы приступим к сознанию, начав изучать его в качестве «объекта», сознание уже есть и делает возможным всю исследовательскую процедуру. Сознание всегда опережает процедуру его объективации, и потому попросту не является объектом и не может рассматриваться в качестве такового.

Когда мы создаем различного рода теории сознания, мы не всегда замечаем сопутствующие этому серьезные трудности. Мамардашвили хочет сказать, что подобные трудности возникают тогда, когда мы пытаемся, создавая теории сознания, объяснять сознание с помощью не-сознания. Например, физикалистские теории сознания, редуцирующие сознание к работе мозга, как

будто бы занимают позицию превышающую опыт сознания и стремятся дать ему физическое объяснение. При этом речь идет о том, чтобы говорить на языке физики и на этом языке объяснять сознание. Но это невозможно, говорит нам Мамардашвили, т.к. физик как исследователь, наделен сознанием, а его физическая картина или теория имеет смысл только внутри понимающего этот смысл опыта. Поэтому поставить перед собой задачу говорить о сознании не на языке самого сознания означает сформулировать парадокс.

По мнению Мамардашвили, такие программы изучения сознания, которые пытаются говорить о сознании на языке физики, социологии или психологии, в каком-то смысле стараются от самого сознания избавиться. Так происходит потому, что они пытаются заменить сознание физикой, социальными отношениями или психическими автоматизмами. Если угодно, все теории сознания, которые стремятся свести сознание к чему-то еще, «по дороге» теряют само сознание. Все концепции философского редукционизма (сознания) имеют одну общую черту – у них не получается показать «что», собственно, редуцируется. И тогда вся работа редукциониста сводится к помещению сознания в черный ящик и наблюдению процессов, сопровождающих пребывание загадочного объекта в ящике. Но при такой исследовательской практике сознание остается попросту не понятым.

Мамардашвили важно показать: не так опасно расписаться в своем непонимании сознания – в конечном итоге, если мы приведем к выводу, что сознание относится к числу загадочных сущностей, исчерпывающее объяснение которых недостижимо в силу определенных причин, то большой вины философа в этом не будет. По большому счету, в истории философии такое случилось не раз: философ имеет право объявить, что решение той или иной проблемы не может быть выполнено, если только он покажет и докажет с чем это связано. Самый яркий пример такой философской работы – кантовские антиномии или витгенштейновский невозможный выход за границу мира (языка). Гораздо, опаснее, если философ принимает за разрешение одной проблемы решение другой и, в действительности, незаслуженно приписывает себе лавры

победителя. В случае с редукционистскими философиями мы имеем дело с чем-то подобным. После сложных и пространных редукционистских манипуляций, сознание остается такой же мистической сущностью, как было до начала исследования, однако редукционисту кажется, что ему удалось объяснить сознание, в то время, как он лишь описал нечто ему (сознанию) сопутствующее.

Трудно не заметить, как хитро ведет себя сознание, когда мы пытаемся обусловить его чем-либо. Допустим, речь идет о психофизиологическом обусловливании – деятельность мозга обуславливает опыт сознания. Что здесь не так? Простая логика не позволяет нам удержать эту конструкцию в непротиворечивом виде. Мы вынуждены сказать: даже если мозг индуцирует сознание, вся эта схема существует в сознании, она дана как сознательный опыт. Еще один вариант обусловливания: допустим, мы говорим, что социальные роли, общественные механизмы или какие-либо культурные паттерны являются причиной возникновения сознания. Здесь будет работать та же логика инверсии: для реализации социальных ролей уже требуется сознательный опыт. Наконец, можно сказать, что сознание есть следствие или результат языка – но и здесь будут трудности, т.к. для того, чтобы пользоваться языком, следует понимать содержащиеся в нем смыслы, а осмысленность уже предполагает сознание. Вывод отсюда можно сделать следующий: сознание устроено так, что всегда уже присутствует в том, что полагается в качестве его причины.

Таким образом, Мамардашвили подразумевает следующее: крайне трудно разделить то «сознание», о котором мы пытаемся поговорить, от того сознания, которое делает возможным сам разговор. Так, смысл высказывания о том, что сознание индуцируется физической активностью мозга сам по себе не физичен. Смысл по определению является частью сознательного опыта и, в определенном смысле, всегда частью моего опыта. Сознание, в свою очередь, не элиминируемо и не редуцируемо – его нельзя изъять из какого бы то ни было субъективного опыта, даже из опыта полного отказа от сознания. Попытка полностью отрицать сознание будет еще одним его смысловым модусом и проявлением, ведь отрицание сознания включает в себя некоторое понимание сознания, удержание

его в качестве квазиобъекта, во-первых, и бытие им самым в момент осознания происходящего, во-вторых. Наконец, надо быть самим этим сознанием, если угодно в сознании, чтобы осмысленно отрицать его.

Таким образом, в попытке создать теорию сознания можно обнаружить принципиальную невыполнимость его редукции. К чему бы мы ни сводили сознание, мы придем к самому сознанию – мы все время будем ходить по кругу, все время упираться в него, безуспешно пытаюсь дать ему определение. Мы всегда будем упускать из виду то, что и обеспечивает эффективность наших стараний.

В конечном итоге все теории, пытающиеся объяснить сознание через то, что им не является, упускают из виду, что тематизация того, что не есть сознание, может быть выполнена только самим сознанием. «Сознание сознания» есть конструкция столь шаткая, что мы сразу понимаем всю безнадежность наших усилий. Если всякая исследовательская рефлексия над сознанием совпадает с самим сознанием, то очевидно, что продвинуться в таком исследовании у нас вряд ли получится.

Но если сознание так упорно сопротивляется разговору о себе на любом другом языке, кроме как на своем собственном, то приходится признать, что лучший способ описания сознания будет тот, который будет принадлежать самому сознанию.

В связи с этим Мамардашвили утверждает, что никакая теория сознания невозможна именно потому, что сознание никогда не может стать для нас объектом. Это связано с двумя главными причинами:

1. Во-первых, любая попытка его описания «уже содержит в себе те условия и средства, происхождение которых как раз и должно быть выяснено» (1, 42).

2. А во-вторых, для того, чтобы осознать сознание, его надо приостановить. «Сознание становится познанием, и на это время перестает быть сознанием...» (1, 43).

Но если создание теории сознания, отвечающей стандартным правилам, настолько затруднено, то, принимая во внимание названные трудности, можно попытаться построить некую особую теорию сознания, которую Мамардашвили назовет метатеорией сознания. Метатеория сознания – это теория понимания, а не объяснения сознания. Понятие «метатеории» вводится специально для того, чтобы противопоставить «теорию» понимания сознания любой другой нормальной теории. Строго говоря, метатеория сознания, является ненормальной теорией. В ней мы не пытаемся говорить о сознании на языках, отличных от языка сознания (например, языках нейронных коррелятов или функциональных состояний), но проблематизируем сознание в пределах самого сознания. В случае метатеории, о которой говорит Мамардашвили, можно попробовать разъяснить особые свойства, не ухватываемые обычной теорией. Под особыми свойствами Мамардашвили понимает те, в которых объект рассмотрения тождественен данной интерпретации. «Способ описания» и «то, что описывается» оказываются принципиально неотличимыми друг от друга. Подобные эффекты, как правило, ускользают от изучения традиционными теориями, где есть четкое разделение на «объект» и «язык его описания» и должны быть рассмотрены в рамках специальной метатеории. В ней нужно применить процедуру интерпретации, причем такую, при которой различие между интерпретацией и ее объектом снимается. При таком подходе описание совпадает с тем, что описывается; «что» является также и «как». Для Мамардашвили это свойство (свойство совпадения) является очень важным. Практически он утверждает, что оно является важнейшим признаком сознания. Везде, где мы имеем дело с совпадением предмета и способом его описания, мы встречаемся с опытом сознания. Иными словами, опыт сознания принципиально перформативен. Вспомним, как устроены перформативные высказывания – мы говорим «клянусь» или «обещаю» и самими этими высказываниями действуем: утверждаем клятву или обещание. Форма этих высказываний совпадает с содержанием – нет необходимости разворачивать эти высказывания, для того, чтобы они исполнили свою функцию. Более того, если мы попытаемся подобное

разворачивание совершить, то увидим, как они превращаются в бессмысленные тавтологии – мы должны будем говорить «обещаю, что обещаю» или «клянусь, что клянусь». Последующее же развертывание перформативных высказываний и вовсе приводит к проблеме бесконечного регресса – фразам типа «клянусь, что клянусь, что клянусь и т.д.» и «обещаю, что обещаю, что обещаю и т.д.». Эти особенности перформативов наилучшим образом передают то, что характерно для опыта сознания. Акты сознания имеют перформативную природу – «что» моей мысли дано мне, как мыслящему эту мысль, также и в качестве своего «как». Строго говоря, «что» я мыслю и «как» я мыслю совпадают, т.к. мое «как» мысли есть также и мое «что». Разумеется, я могу уточнить свою мысль, увидеть скрытый в ней смысл, дать необходимые ей пояснения, но это будет уже другая мысль (мысли), также совпадающая в своем «что» и «как». К явлениям подобного типа и должна применяться метатеория, а не теория. Кроме того, в книге «Символ и сознание», мы читаем: «там, где есть такое свойство (свойство перформатива – ДГ), мы имеем дело с тем, что может условно описываться как сознание» (1, 40).

Итак, нам известен, по крайней мере, начальный этап работы с сознанием: наблюдение и описание, а не объяснение. Исследование сознания, которое предпринимает Мамардашвили, есть попытка рассуждения о сознании на языке сознания, без использования наиболее известных на сегодняшний день редуционизмов – к телу, языку или культурному опыту. В каком-то смысле Мамардашвили намерен редуцировать сами редуционизмы, для того, чтобы могло открыться некое поле «чистого» метатеоретического описания сознания. Если невозможно работать с сознанием непосредственно, то следует попытаться работать с пониманием сознания. Метатеория, в таком случае, есть такая специфическая «квази-теория», практикуя которую, мы отдаем себе отчет в том, что сознание выступает тем нечто, «в чем» мы всегда и неустранимо находимся, и которое нельзя ни объективировать, ни отчудить. Можно лишь продолжать им быть, пытаясь ухватить себя в актах понимания.

Таким образом, философия сознания для Мамардашвили, есть философия, балансирующая на грани невыразимого, попытка описания неопишуемого. Это некая, как говорит сам Мамардашвили, «невозможная возможность». Но если эту почти невыполнимую задачу и можно как-то выполнить, то только, не покидая пределов сознания, и не пытаясь его объяснять через сведение к не-сознанию. Мы не умеем объяснить наше мышление, поскольку при этом мы его лишь воспроизводим. Но если сознание нельзя объяснить, то его можно постараться понять.

Таким образом, притом, что в самом вопросе «что такое сознание?» сознание удостоверяет свою неустранимость, опыт сознания не может быть объяснен, но лишь возобновлен.

Литература

1. Мамардашвили М, Пятигорский А. Символ и сознание. М., 1997.
2. Мамардашвили М. Стрела познания: набросок естественноисторической гносеологии. М., 1996.
3. Хайдеггер М. «Что такое метафизика?», в кн. «Лекции о метафизике». М., 2000.